

У старого человека кнут кудельный,
По кнуту течет масло,
Хоть и течет масло — мне не по душе.
У молодого человека кнут ременный,
По кнуту течет кровь,
Хоть и течет кровь — мне по душе [ЧГИ 145: 205].

Видимо, речь идет о симпатии или антипатии девушки к своим женихам. Ведь именно в *Ѕаварни* молодая открыто проявляет свое отношение к парням: отказывая другим, она со своим избранником катается на санях, принимает от него угощения в виде семечек или орехов, дарит вышитый именной платочек. В конечном счете кровь, капающая с кнута, и парень, погоняющий масленичную лошадь, семантически совпадают. Ибо молодые вскоре будут связаны родственными узами. Таким образом, кровь выступает как знак близких отношений. Понятие «кровь» у чувашей и некоторых других народов означает «родственник по крови». Поэтому «кровь» в приведенном примере есть не что иное, как символ родственника. Получается, что обращение с кровью в обрядах закрепляет родственными узами всех участников.

Как известно, кровь — «носитель» души, пролить кровь — значит лишить живое существо души. Вливание крови, напротив, сохраняет больному жизнь. Именно это верование положено в основу обрядового лечения от желтухи. В критический период, когда кожа больного желтухой человека приобретает темно-желтый цвет, знахарка направляет в раскрытый рот больного свежую струю крови из надрезанного горла черной курицы [Поле 88: 41–43].

Итак, можно выделить три способа обращения с кровью у чувашей: кровь животных в сакральных целях выливают на жертвеннике; кровь крупного скота употребляют в профанной пище; кровь птицы применяют в лечебных целях.

1.5. Жертвы-предметы

Предметы-вещи как жертвенные приношения — явление нередкое. Каковы их функции, место и смысловая нагрузка в религии чувашей? Для того чтобы раскрыть эту тему, необходимо обратиться к конкретным этнографическим фактам.

Монета — *укса* (*мамале, нухрат*). Речь идет о монетах мелкого достоинства и их имитации, а не о деньгах вообще, в частности бумажных. Например, об уплате солидного калыма за невесту здесь гово-

риться не будет. *Укџа* — тюркское слово: *ак* «белый» + *-ча* — аффикс уменьшительности = «беленький». Монету ритуального назначения можно определить по ситуации (нахождение на мольбище и др.) и контексту (например, *Усал укџи* — «наговоренные деньги», букв. «деньги Усала») [Ашмарин 1929а: 102]. *Мамале* — заимствование из арабского языка, исходно означало «рост, проценты, ростовщичество». Н.И. Ашмарин справедливо полагал, что в чувашском языке это слово первоначально «обозначало предварительную жертву, за которой должно было последовать выполнение самого обета» [Ашмарин 1935: 186]. *Мамале* бывают оловянные и медные, их выплавляют дома или используют старинные медные. *Нухрат* от арабо-персидского *нукре* — «серебро». Как видим, оба заимствованных слова (от араб. *мамале* и перс. *нухрат*) по значению и физическим свойствам во многом совпадают. В словаре Н.И. Ашмарина *нухрат* в описании обряда от болезни приводится после слова *мамале* в скобках. *Нухраты*, как правило, мелкие, круглой или овальной формы. Встречаются *нухраты* из серебра, олова, свинца и жести [ЧГИ 144: 250; 154: 362; Ашмарин 1935а: 44 и др.]. Старинные серебряные деньги называются *чйн нухрат* — «настоящий нухрат», а жестяные — *ахаль нухрат* — «обыкновенный, простой нухрат». Широко используемый простой *нухрат* выплавляли дома, капая олово на топор. Падая на железо, олово или свинец образует форму сплюснутых кружочков с дырочками. Для принесения *нухратов Йёрџу*, например, в эти отверстия продевают нитку и вешают несколько штук на лучину. Чуваша деньги *укџа* и имитацию *нухрат* приносили божествам и духам (например, *Киреметю*) иногда одновременно, т.е. об отождествлении *укџа* и *нухрат* (а также *мамале*) не может быть речи.

Если говорить о жанровой соотнесенности, то монеты активно используются в ритуалах, относящихся к проходам в иной мир и связям с родственниками, находящимися в ином мире. Например, в обрядах по случаю сорока дней с момента отделения души от тела без монет не обойтись. Если в этот день в хозяйстве не могут резать жеребенка, то жертвуют монету, говоря: «Там купи себе лошадь». Также находящемуся в кровати столбу-юпе участники обряда вкладывают в «рот» копейки; получая пиво во время трапезы, кружку возвращают с монетой на дне; прежде чем установить столб, на дно ямы для столба кладут деньги; установив столб на могилу, сверху вбивают монету. Свадебная обрядность также часто обращается к сценам с монетами. Например, ритуал *Хаяр пѣрахни*: при выезде свадебного поезда за полевые ворота следует жертвовать монету духу *Хаяр. Киремет* — это тот объект, жертвоприношение деньгами которому считается наиболее подходящим даром [Поле

88: 26; ИИ, колл. 238, оп. 2. 145а/82: 2; РГИА, ф. 515, оп. 15.465: 2 об. и др.]. Кроме использования монет в ритуальных комплексах, существуют самостоятельные обряды жертвоприношения монетами, например божествам и духам *Ѕёр йыш, Йёрёх, Хаяр*. Если человек не знает, кому и за что приносить жертву-монету, то ее следует отнести знахарке, которая проведет обряд по порядку.

В связи с формами жертвования монетой у чувашей следует указать на факт приготовления дара заранее. Существует обряд откладывания денег. Так, для паломничества в с. Ишаки откладывали нужное количество монет. Затем мыли их водой, завязывали в белый платок и вешали за перекладину в клету. Как свидетельствуют тексты, отложенные деньги называются *мамале*. Но откладывали не только для непосредственного жертвования самими деньгами, а также для покупки жертвенного продукта. Например, совершив обряд божеству прясла, завязывают мелочь в платок и кладут на столб до базарного дня. На базаре покупают на них калач и съедают в честь *Турй*. Принесение *мамале* может также означать обещание в будущем посвятить настоящую жертву. Например, обещая *Киремето* в будущем ягненка, в знак подтверждения этих слов следует отнести на *киреметице* монету. На собранные таким образом на *киреметице* деньги смотритель урочища покупает животное и совершает жертвоприношение. В обрядах коллективного уровня собранные у народа деньги также направляются на покупку животного, т.е. непосредственного принесения денег духам и божествам не происходит. В случае неиспользования денег в этом году, их используют в следующем году в тех же целях.

Подброшенные деньги — частое явление на местах прежних молений. Ныне их можно определить по таким топонимам, как «Денежный овраг» и «Денежная горка». Например, около д. Белая Гора Саратовской обл. и у д. Н. Тимерсяны Ульяновской обл. [ЧГИ 18, инв. 895: 3; 176: 74; Ашмарин 1929а: 202 и др.]. Как известно, в миссионерских целях церкви строились на территориях народных мольбищ. Поэтому люди по традиции продолжали бросать монеты и к церквям [Автор]. Существуют определенные правила избавления от порчи с помощью денег. Допустим, во дворе увидели мелочь в сумме 7 коп. В таком случае следует положить туда еще столько же и всю получившуюся сумму выбросить вон. Попутно назовем еще одну форму ритуального обращения с мелочью: собранные во время обряда монеты могут быть разделены между участниками. Так, во время «Девичьего пира» девушки угощают находящихся в доме людей пивом, получая в ответ на дне кружки монеты. Получившаяся сумма делится между девушками соответственно возрасту.

Подбирать жертвенные деньги нельзя, ибо такой человек берет на себя всю порчу, хворь и другие отрицательные качества жертвовавшего.

Наиболее совместимым с монетами даром является хлеб. Например, выезжая за полевые ворота, свадьба останавливается, здесь зарывают в землю в честь духа *Хаяр* одну или две копейки и горбушку хлеба [ЧГИ 29: 18]. В удмуртской свадьбе отец невесты втыкает в хлеб серебряную монету и передает дочке, та, вынув монету, съедает хлеб, денежку оставляет себе [Гаврилов 1880: 172]. Хорошо совмещаются с монетой также хмель, солод и нитка.

Хлеб (в виде горбушки или кусочков), а также яйцо и мясо домашнего животного можно употребить в качестве заменителей жертвенных монет.

Речь, сопровождающая ритуальные действия, призвана усилить значение сакральной монеты, в ней указывается конкретное божество, которому приносится дар. Так, обращаясь к божеству *Валем хуца*, его просят довольствоваться полученной жертвой, простить, объясняют, что приносят в его честь старинный серебряный *нухрат* [Ашмарин 1935а: 45].

Определенный интерес представляет семантика дарения монеты. Чуваши, укладывая родственника в гроб, в рот клали монету. К этому же семантическому ряду следует отнести эпизод «вкладывания» монеты в вырез намогильного столба, означающего «рот» умершего. Это действие происходило во время нахождения столба на кровати бывшего владельца. Деньги можно также вложить в руки или карман умершего при укладывании в гроб [Поле 89: 84, 117; ЧГИ 172: 7 и др.].

Можно попытаться найти системный ответ на вопросы: «Для чего нужно давать деньги?» или «Что он (она) будет с ними делать?» Согласно текстам, монета — это плата за землю, а также для удовлетворения духов, торговых оборотов на том свете и т.д. Однако, видимо, попытка классификации безуспешна, ибо ритуал на каждом «повороте» требует платы, откупа или выкупа. Например, на свадьбе надо платить у ворот тестя, за место невесты, калым, ложку за столом и т.д. Без монеты не черпнешь воды в обряде хождения молодой за водой, а также для обмывания умершего. Даже собственного ребенка роженица выкупает в окно за монету. Поэтому при ответе на вопрос «Зачем?», следует смотреть шире, чем это делает Б.А. Литвинский. Он предлагает четыре мифологемы с жертвенной монетой: оберег, для приобретения пищи, плата владыке подземного мира, плата за перевоз через воду. Объясняя отсутствие в некоторых могилах монеты, Б.А. Литвинский замечает, что давали не всем, ибо иного мира в таких вариантах можно было бы до-

стичь без пересечения водной преграды [Литвинский 1984: 150–169]. Конечно, исследователь определенно сужает круг возможных причин. Даже в качестве преграды на пути в иной мир, кроме воды, могут быть лес, гора, овраг и т.д., ибо, заблудившись в лесу, например, можно оказаться в ином мире.

Согласно объяснению самих носителей культуры, монета, вбитая в вершину намогильного столба *юпа*, служит светом, с помощью которого родственник может на том свете передвигаться [ЧГИ 6: 575–576; Vikař, Bereszki 1979 и др.]. Она также служит средством предотвращения порчи, которая может быть наслана и на том свете. У русских невеста, чтобы уберечься от порчи, брала в рот серебряную монету, а чуваши боятся увидеть в своем хозяйстве чужие деньги и считают это порчей. Поэтому и в иной мир родственника необходимо снабдить своей монетой и во что бы то ни стало избежать использования чужой. В закладывании монеты в фундамент дома, дарении детям денег в *сурхури* видится стремление жить богато, иметь много скота и обрести благополучие. Но и в этих случаях монета не более чем символ.

Как показало исследование Б.А. Литвинского, описанные выше верования восходят ко времени индоиранской общности. Есть данные, позволяющие полагать индоевропейское происхождение этого представления. Наиболее устойчивыми они оказались в погребальном обряде Бактрии — Тохаристана. Как видим, чувашский материал перекликается с исследованной Б.А. Литвинским культурой.

Фигурки (куклы) — *кѣлетке* (*пукане, урхамах*). Кроме фигурок-жертв, в ритуалах используются фигурки духов и божеств (например, кукла *Йѣрѣх*), которые здесь не рассматриваются. Названия фигурок в имеющихся текстах можно объединить в две группы: *кѣлетке* — «изображение, туловище, статуя» и *пукане* — «кукла». Изображения, как правило, делаются из теста, куклы — из тряпок и теста. В большинстве случаев чуваша из теста готовят фигуры коней и называют их *урхамах* — «хороший конь» [ЧГИ 144: 368; 154: 362; 174: 481 и др.]. Делают также изображения людей, птиц, коров и телят. Таким образом, обобщенно под фигурками понимаются *кѣлетке* (в том числе и конкретная разновидность — *урхамах*) — «изображения» и *пукане* — «куклы».

В жанровом отношении фигурки используются в таких обрядах, как избавление от болезней и недугов и от конкретных духов и божеств, посылающих неприятности. Среди них — от *Киреметя*, *Чѣк*, *Шьври* и т.д. Например, с целью спасения ребенка от смертельной болезни, мать по наставлению знахарки делает из теста изображение своего ребенка, одевает эту фигурку как покойника и хоронит в могилке. Похороны куклы

проводятся и в том случае, если в роду (семье) случились две смерти в году. Тогда после вторых похорон во избежание третьих срочно изготавливают куклу и проводят имитацию прощания и зарывания. Другой вариант — проведение «свадьбы кукол», которая совершается, если в роду (семье) состоялись две свадьбы. Во избежание неприятностей (ср. семантику «смерть—свадьба») готовят кукол (невесту и жениха), сажают их в передний угол, угощают их и приглашенных родственников. Собираются даже на следующий день [Автор].

Способы жертвования в зависимости от вида дара и жанра ритуала передаются такими глаголами, как «брось», «поставь», «спрячь» и т.д.

Вместе с фигурками приносят в жертву деньги, копченое мясо, яйца и др. Но заменить фигурки ничем нельзя. Это свидетельствует об их высоком жертвенном статусе, конечно, с учетом того, что они сами являются заменителями живых душ (животных, людей, птиц). Фигурки из теста приносятся во внеурочное время только при частных жертвоприношениях (это как бы задаток, обещание принести крупную жертву во время календарных общественных жертвоприношений).

Во время жертвоприношений, видимо, не принято вслух произносить свое обращение к божеству или духу. По крайней мере, разговаривать в этот момент нельзя. Все надо делать тихо [Поле 89: 131]. Бояться, отвлекаться, оборачиваться в пути не следует.

Понятно, что адресант верит в действенность приносимых им фигурок и в возможность заменить ими более ценные жертвы. Например, изображение *урхамах* отдается взамен лошади. Поэтому такой фигурке стараются придать реальные черты. Для этого, как объясняют, кукол одевают в красивые одежды с оформленными деталями (полами у платья, мелкими серебряными монетами и *нухратами* в качестве наряда), а *урхамахи* запрягают надлежащими сбруями. Куклы вообще в представлении чувашей — идеал красоты. Поэтому невысоких красивых женщин сравнивают с куклой [Ашмарин 1936: 74]. Реальные черты должны присутствовать во всем. Допустим, если мать хочет избавить ребенка от недуга, то приносимая в жертву кукла должна быть похожа на ее дитя. Подобие фигурок их воображаемым персонажам передается послелогом *пек* — «наподобие, как»: *сын пек* — «наподобие человека», *лаша пек* — «наподобие лошади», *кай'ак пек* — «наподобие птицы». Ибо «в символическом смысле петух то же самое, что и его образ, написанный красками, выгравированный или изваянный» [Керлот 1994: 539]. Гробик, куда укладывают куклу, тоже должен быть похож на настоящий. По сути, фигурка — это имитация, замещающая реальную жертву с душой. В Оренбургской обл. автору запомнилась такая деталь. Рассказы-

вая о «похоронах» куклы в воде, пожилая собеседница добавила, что в середину куклы они заложили живого таракана [Поле 89: 131]. Это своеобразное стремление одухотворить фигурку, ведь дух воды требует живую душу. Интересно, что в ряде языков (уйгурском, киргизском, шорском) *кёлетке* имеет значение «тени» [Егоров 1964: 105], а в чувашском — привидения и фото. Как известно, души ушедших в иной мир людей являются живыми именно в виде теней и привидений — это еще одна линия, связывающая жертвенные фигурки с душами людей. Иногда для обряда изготавливают фигурки мужского и женского пола. Это происходит в том случае, когда адресант не знает, фигурку какого пола потребует дух.

1.6. Проблема жертвоприношения человека

Что касается непосредственно чувашского материала, то здесь мы находим глухие отголоски жертвоприношения людей. Однако считать их прямым доказательством невозможно. Все они имеют связь с водой и зафиксированы в народных легендах, которые можно и сегодня записать почти в каждой деревне. Тем не менее рассказ от третьего лица ставит их достоверность под сомнение. Так, в д. Средние Алгаши Ульяновской обл. вспоминают, что детей не пускали к водяной мельнице. Пугали, что их могут заложить в основание пруда этой мельницы, убеждали, что был там подобный случай. Для этого выбирали девушку и ставили ее на дно пруда. Говорят, туда потом долго ходил ее настоящий жених, но невеста со дна пруда умоляла его уходить, ибо она все равно не выйдет, если и выйдет, то не будет принадлежать ему [Поле 94: 258]. В другом источнике говорится о жертвоприношении детей водяной мельнице. Если плотину часто прорывало, то хозяин крал маленького ребенка и спрашивал его, будет ли он держать фундамент мельницы. «По получении удовлетворительного ответа дитя немедленно живым “сажалось” на дно пруда у плотины» [ЧГИ 167: 80–81]. Детей также приносили в жертву озеру. Согласно преданию, в XVIII в., например, детей бросали в озеро Тоганаш (Красночетайский р.). «Иначе, дескать, взрослым не будет счастья: постигнет моровая язва, голод и т.д.» [Волков 1958: 40].

Возможное отражение реальных событий в таких примерах, как приношение человеческих фигурок из теста, вырезывание «пупков» и «носов» у жертвенных лепешек, приготовление супа из человеческих рук и ног в сказках, практически невозможно доказать.